

Српска краљевска академија. Посебна издања, књига XLII. Философски и филолошки списи, књига 11. Акцентске студије, књ. I. Д-р А. Белић. У Београду, 1914. Цена 2 динара. 8°. VIII+210.

Отзывъ о новомъ трудѣ извѣстнаго сербскаго слависта собственно слѣдовало бы дать представителямъ славянской филологіи; но такъ какъ до сихъ поръ въ русской научной литературѣ, насколько мнѣ извѣстно, еще не отзывались о вышеупомянутой книгѣ, а книга эта безусловно заслуживаетъ нашего вниманія, то я и рѣшился, не будучи специалистомъ по славянскимъ языкамъ, главнымъ образомъ не критиковать, но вкратцѣ изложить содержаніе и главные результаты I-ой книги «Акцентскихъ студија».

Въ этой книгѣ авторъ подробнѣе развиваетъ и обосновываетъ свои мысли объ акцентуаціи славянскихъ прилагательныхъ, вкратцѣ изложенныя имъ уже въ *Јужносл. фил. I. 38* слл. Между тѣмъ какъ въ литовскомъ языкѣ въ опредѣленныхъ формахъ прилагательныхъ находимъ старую акцентуацію прилагательныхъ, въ праславянскомъ, какъ доказано авторомъ, присоединеніе мѣстоименной формы къ прилагательному (при образованіи опредѣленныхъ или членныхъ прилагательныхъ) вызвало мѣну или стараго мѣста ударенія или старой интонаціи прилагательнаго. Установленныя авторомъ правила этой мѣны таковы: если въ неопредѣленномъ прилагательномъ удареніе падало на долгій слогъ, то въ соотвѣтствующей опредѣленной формѣ находимъ мѣну интонаціи; если же удареніе падало на краткій слогъ, то въ соотвѣтствующей опредѣленной формѣ удареніе перенесено на другой слогъ. Мѣну интонаціи («метатонію») находимъ, наприм., въ такихъ случаяхъ какъ срб. чак. *m lã d o* «молодо»: *m lã d õ* «молодое» или р. гó лó денъ: голбó дный, мблó дъ: (діал.) молбó дый и др., гдѣ праславянская нисходящая интонація неопредѣленнаго прилагательнаго въ опредѣленной формѣ замѣнена восходящей интонаціей, которая однако чѣмъ-то отличалась отъ старой восходящей интонаціи, такъ какъ при новой восходящей интонаціи долготы въ сербскомъ не

сократились (какъ при старомъ акутѣ), но сохраняются (причемъ въ штокавскомъ нарѣчїи—по крайней мѣрѣ, въ части говоромъ—эта новая восходящая интонація въпослѣдствїи измѣнилась въ нисходящую интонацію); и въ такихъ случаяхъ, какъ серб. чак. и шток. *stàro* (съ *à* изъ праслав. *á*) «старо»: *stârō* «старое», словинск. *stáro*: *stáro*, чешск. *stáro*: *staré* (съ *a* изъ долгаго циркумфлектированнаго *a*), каш. *mālo* (=серб. *mālo*) «мало»: *mōlī* (=серб. *māli*) «малый» и др., гдѣ праславянская восходящая интонація неопредѣленнаго прилагательнаго измѣнилась въ соотвѣтствующей опредѣленной формѣ въ нисходящую интонацію, причемъ эта новая нисходящая интонація въ сербекомъ сохраняется не только начальнымъ слогомъ (какъ старый циркумфлексъ), но и другими слогами слова.

Измѣненіе же мѣста ударенія находимъ въ такихъ случаяхъ, какъ, наприм., серб. чак. *bēld*: *bélō* (> шток. *bêlō*)=р. бѣло: бѣлое и др., серб. чак. *bōso*: *bosō*=р. босо: босбе¹⁾ и др., серб. чак. *dobrō*>шток. *dōbro*: шток. *dōbrō*=р. добро: доброе и др., серб. чак. *visokō* (>шток. *visōko*): *visōkō* (>шток. *visokō*)=р. высок: выское и др., серб. чак. *vēsēl*, шток. *vēseo*: чак. *vesēlī*>шток. *vēsēlī*=р. вѣсел: вѣсѣлый и др.

Итакъ, правильно заключаетъ авторъ, только славянскія неопредѣленныя формы слѣдуетъ сопоставлять относительно ударенія съ формами родственныхъ языковъ.

Есть, однако, рядъ формъ, которыя какъ будто противорѣчатъ выше изложенному. Въ чакавскомъ нарѣчїи находимъ правильное соотношеніе, напримѣръ, въ *svēt* (=лит. *šveĩtas*): *svētī* (>шток. *svētī*), но въ штокавскомъ рядомъ съ *svētī* имѣется также *svētī*=р. свѣтѣй, и каш. *s v̇aṫē* (съ удар. на *-ē* и смягч. *v*); подобно этому находимъ, наприм., рядомъ съ серб. *živ* (при лит. *gývas*) не только серб. чак. *živī*, но также р. живѣй и каш. *žēvē* (съ удареніемъ на концѣ). По этому авторъ полагаетъ, что еще въ славянскомъ праязыкѣ, напр., при *živ* имѣлось какъ *živъjъ*, такъ и *živъjъ* съ удареніемъ на *-ъ*. Исторію этого типа прилагательныхъ авторъ представляетъ себѣ слѣдующимъ образомъ. Праслав. *živ* въ виду лит. *gývas* (изъ **gυvās*) и скр. *jīvās*, по его мнѣнію, восходитъ къ болѣе древнему **živ* съ окончательнымъ удареніемъ и акутированнымъ корнемъ. Это заключеніе я считаю безусловно правильнымъ, хотя аргументація

¹⁾ Лит. *bāsas* (и лтш. *bass*) авторъ на стр. 150 вслѣдъ за Брюкнеромъ безъ всякаго основанія считаетъ заимствованнымъ.

неправильна. Но сейчас не желая увлечься въ сторону, я къ этой аргументаціи вернусь нѣсколько ниже. И вотъ, по мнѣнію автора, форма *živъjъ* съ удареніемъ на -ъ- возникла еще въ то время, когда старое **živъ* съ конечнымъ удареніемъ еще не измѣнилось въ *živъ*, и еще до переноса ударенія при измѣненіи состава слова, и потомъ не исчезала также послѣ возникновенія новообразованія *živъ*. А послѣ возникновенія этого *živъ* уже сталъ дѣйствовать выше изложенный законъ объ измѣненіи интонаціи или мѣста ударенія при измѣненіи состава слова, такъ что рядомъ съ неопредѣленнымъ *živъ* возникла новая опредѣленная форма *živъjъ*, не вытѣснившая однако стараго *živъjъ* съ удареніемъ на -ъ-. Это объясненіе, однако, затрудняюсь признать правдоподобнымъ. Если старое *živъjъ* съ удареніемъ на -ъ- сохранялось еще рядомъ съ новымъ *živъ*, то это, на мой взглядъ, было бы понятно лишь при томъ условіи, если въ *živъjъ* мѣстоименіе *jъ* уже успѣло слиться съ *živъ* въ одно нераздѣльное слово, а въ такомъ случаѣ въ опредѣленныхъ формахъ прилагательныхъ уже не могло быть никакого измѣненія состава слова еще послѣ измѣненія стараго *živъ* съ конечнымъ удареніемъ въ *živъ*. А измѣненіе интонаціи или мѣста ударенія, казалось бы, происходило именно при *измѣненіи состава слова* (т. е., когда къ прилагательному присоединялась мѣстоименная форма), а не въ готовомъ, давно уже сложившемся словѣ. Такъ не будетъ ли естественнѣе считать формы типа *živъjъ* съ удареніемъ на -ъ- діалектическими новообразованіями славянскаго праязыка, возникшими подъ вліяніемъ формъ типа *bǫsъ*: *bosъjъ* (съ удареніемъ на -ъ-), т. е. предположить, что въ *živъ* при образованіи опредѣленной формы діалектически подъ вліяніемъ формъ типа *bǫsъ* измѣнилось мѣсто ударенія, а не интонація? Въ пользу того, что также прилагательныя съ праславянскою восходящею интонаціею корневого слога діалектически подвергались вліянію со стороны прилагательныхъ типа *bǫsъ*, можно бы въ такомъ случаѣ привести указанныя авторомъ бѣлор. старій й, малій й (на стр. 138), малор. старій й, малій й (на стр. 141), или каш. сѣхѣ «тихій», *slabě* (съ удареніемъ на -ě) и др.

Возникновеніе же праслав. *živъ* вмѣсто **živъ* (съ конечнымъ удареніемъ и акутомъ въ корневомъ слогѣ) авторъ на стр. 153 объясняетъ¹⁾ слѣдующимъ образомъ (ср. также Meillet MSL XI 349). Вмѣсто стараго асс. s. fem. g. **živŭ* (=лит. *gývą*) при

¹⁾ На стр. 154 авторъ считается еще и съ другими, но ни чѣмъ не обоснованными объясненіями.

пом. s. *žīvā возникло новообразование žīvŃ подь влияніемъ соотношенія, напр., между асс. s. krīvŃ (=лит. kreivā) и пом. s. *krīvā и др., ср. подобное новообразование срб. главу=р. глолову при лит. gálvā¹⁾ (о чемъ см. Meillet въ Сборн. статей, посвящ. Ф. Θ. Фортунатову, стр. 195) и др.; а изъ формъ женскаго рода циркумфлексъ затѣмъ былъ перенесенъ также въ формы мужескаго и средняго рода. Считаю это возможнымъ, но мнѣ кажется, что подобнымъ же путемъ циркумфлексъ могъ возникнуть также въ формахъ мужескаго рода. Когда-то въ славянскихъ и балтійскихъ языкахъ, повидимому, имѣлись также прилагательныя съ подвижнымъ удареніемъ при циркумфлектированномъ корнѣ (относительно балтійскихъ формъ см. мою статью KZ XLIV 51 слл.). Таково, наприм., лит. šveĩtas «святой», см. KZ XLIV 54 сл., между тѣмъ какъ авторъ на стр. 149 сл. на основаніи срб. свѣт и лит. šveĩtas неправильно заключаетъ, что это прилагательное старое paroxytonon, хотя ему извѣстно, что теперь уже въ литовскомъ именномъ склоненіи въ пом. s. -as всегда лишено ударенія, такъ что теперешнее лит. šveĩtas несколько не доказываетъ, будто эта форма искони имѣетъ удареніе на первомъ слогѣ. По той же причинѣ авторъ на стр. 149, доказывая, что срб. пѹн, дѹг и др. старыя paroxytona, совершенно напрасно ссылается на лит. pilnas «полный», ilgās «долгій» и др., т. е. на формы, показывающія только, что корень ихъ акутированъ, и больше ничего²⁾. Слѣдовало же сослаться на соответствующія латышскія формы pilns и ilgās, длительная интонація которыхъ яено показываетъ, что это старыя paroxytona.—Итакъ, есть основаніе думать, что когда-то въ праславянскомъ имѣлись прилагательныя съ подвижнымъ удареніемъ какъ при акутированномъ, такъ и при циркумфлектированномъ корневомъ слогѣ. Значить, могло, пожалуй, возникнуть также новообразование асс. s. masc. g. žīvъ (вм. žīvъ=лит. gūvā) подь влияніемъ, наприм., асс. s. svĕтъ и др. въ виду того, что въ нѣкоторыхъ падежахъ прилагательныхъ žīvъ и svĕтъ удареніе одинаково падало на окончаніе; ср. слав. асс. s.

¹⁾ Страннымъ образомъ авторъ, приводя лит. gálvā „голову“ на стр. 153¹, при этомъ ссылается именно на Гирта (Der indogerm. Akzent), а не на Мазинга (Hauptf. d. serb.-chogw. асс. 11 слл.), какъ будто у Гирта можно гдѣ-нибудь найти новый матеріалъ по балтійскимъ языкамъ.

²⁾ Тамъ же авторъ, доказывая, что въ праслав. *ѣгпъ удареніе падало на второй слогъ, ссылается на лит. Kirsnā. Но асс. s. Kiřsnā (см. мои Славяно-балт. этюды 31²⁾) показываетъ, что корень этого слова циркумфлектированъ, а вѣдь въ такомъ случаѣ, какъ извѣстно, удареніе пом. s. Kirsnā само по себѣ несколько не доказываетъ стараго конечнаго ударенія.

*s ŷ n ъ при лит. s ŷ n ц (см. объ этомъ у автора стр. 152 сл.). Что также въ праславянскомъ въ асс. s. основъ мужескаго рода на -о по крайней мѣрѣ, въ парадигмахъ съ подвижнымъ удареніемъ— окончаніе всегда было лишено ударенія, этого я, правда, не могу доказать, но такъ какъ въ литовскомъ именномъ склоненіи окончаніе асс. s. всегда лишено ударенія, то считаю, по крайней мѣрѣ, возможнымъ, что сходное явленіе, хотя бы частично, имѣло мѣсто также въ праславянскомъ (такъ, во всякомъ случаѣ, въ основахъ на -i и -u, см. Meillet Сборн. статей, посвящ. Ф. Θ. Фортунатову, стр. 196). Подобно этому и авторъ самъ на стр. 153, если я его правильно понимаю, представляетъ себѣ соотношеніе между лит. *vėidas* вм. **veidās* (ср. ном. pl. *veidaī* и сохраненіе дифтонга *ei*) и срб. *vid* (род. п. *vida*; тогда какъ въ чакавскомъ имѣемъ *vid* съ род. п. *vida*); иначе на формы типа *vid* смотритъ Meillet l. c. 197 сл. Тамъ же авторъ сопоставляетъ еще и лит. *máišas* (sic!) и *bėgas* (sic!) съ срб. *mŷjex* (род. п. *mŷjexa*) и *bŷjeg* (р. п. *bŷjega*), но вмѣсто *máišas* (какъ пишетъ еще и Бернекеръ Slav. etymol. Wörterb. II 47) слѣдуетъ писать *maišas* (см. мои Славяно-балт. этюды 53)=лтш. *màiss* и срб. *mŷjex*, а интонація лит. *bėgas* мнѣ (и, вѣроятно, и автору) неизвѣстна; если предположить для *bėgas* акутъ, то относительно срб. *bŷjeg*, пожалуй, не исключена также возможность, что тутъ имѣемъ дѣло съ такой метатоніей, какую находимъ, наприм., въ лит. *lōras* при *lōryti* (см. IF XXXIII 108), тогда какъ лит. **bėgas* (если интонація такова) могло получить акутъ подѣ влияніемъ глагола *bėgu*.

Праслав. *žīvъ*, какъ уже указано, возникло взамѣнъ стараго **žīvъ* съ окончательнымъ удареніемъ. Существованіе послѣдней формы, однако, авторомъ (на стр. 151 сл.) неправильно доказывается ссылкою на скр. *jīvās* и лит. *gŷvas*. Вѣдь въ санскритѣ находимъ также *pŷrnās* (съ пер. *n*) и *dīrghās* съ окончательнымъ удареніемъ, тогда какъ срб. *pŷn*, *dŷg* и лтш. *pīlns*, *iļgs* являются старыми *paroxytona*, а въ такомъ случаѣ скр. *jīvās*, конечно, не доказываетъ, что въ праслав. **žīvъ* удареніе первоначально падало на окончаніе. А лит. *gŷvas* даетъ намъ указанія только относительно интонаціи, а не мѣста ударенія, да и рядомъ съ этимъ *gŷvas* діалектически встрѣчается *gŷvas* (у Буги *Aistiški Studijai* I 40). Только соответствующая латышская форма *dzīvs* своей прерывистой интонаціей ясно указываетъ на прабалт. **gīvās* съ акутированнымъ корнемъ, и на нее и слѣдовало автору сослаться. Нельзя, правда, требовать, чтобы авторъ, обнаруживающій столь основательное знакомство со славянскими языками, столь же интенсивно

изучалъ также балтійскіе языки (на это можетъ не хватать времени); но зато авторъ долженъ былъ сознавать свое недостаточное знакомство съ балтійскими языками, а не выводить безъ всякихъ оговорокъ заключенія о балтійскомъ удареніи только на основаніи литовской грамматики Куршата и извѣстной (совершенно устарѣлой) книги Гирта объ индоевропейскомъ удареніи.

Въ балтійскомъ теперь не находимъ при образованіи опредѣленныхъ прилагательныхъ ни мѣны интонаціи, ни мѣны мѣста ударенія, ср. наприм. лит. асс. s. *gŭvą: gŭvąjį* или лтш. асс. s. *dzīvu: dzīvuo*. Что же касается лит. ном. s. *gŭvas: gŭvās*, то уже давно указано, что въ опредѣленной формѣ *gŭvās* сохранилось старое удареніе, тогда какъ *gŭvas* замѣнило собою старую форму **gŭvās*, и подъ вліяніемъ формъ типа *gŭvas: gŭvās* затѣмъ, наприм., рядомъ съ *pīlnas* (=лит. *pīlns* и срб. пѣн) могло возникнуть новое *pīlnās* вмѣсто **pīlnas*. Было бы, правда, соблазнительно объяснять литовскіе дублеты вродѣ *gŭvas: gŭvās* (см. выше), *sīlnas: sīlnās* (у Буги l. c. 171) или асс. s. *gārdų: gārdų* (въ словарѣ Юшкевича 413) предположеніемъ, что когда-то рядомъ съ неопредѣленными, наприм., асс. s. *gŭvą, sīlną, gārdų* имѣлись опредѣленные формы *gŭvąjį, sīlnąjį, gārdųjį*, подобно тому, какъ авторъ на стр. 88 объясняетъ чешскіе дублеты вродѣ *skup: skoup* и др. Но такіе дублеты находимъ также среди литовскихъ существительныхъ, ср. наприм. *žirgas* «конь»: *žirgās* (въ словарѣ Юшкевича 438); и такіе дублеты можно объяснить подвижностью ударенія (наприм., ном. s. *žirgās* вмѣсто *žirgas* рядомъ съ ном. pl. *žirgai* подъ вліяніемъ формъ вродѣ ном. s. *vilkas* рядомъ съ ном. pl. *vilkai*). Но въ другихъ случаяхъ находимъ также въ балтійскихъ языкахъ мѣну интонаціи при измѣненіи состава слова, ср. наприм. лит. пуб: *pūogi, pamiē: pamiēri* и др. IF XXXIII 115, и, можетъ быть (?), также мѣну мѣста ударенія въ такихъ случаяхъ какъ ген. s. *gālo* «конца»: *galōp(i)* «къ концу» (въ грамматикѣ Куршата § 1477), но тутъ слѣдуетъ считаться съ тѣмъ, что *gālas* «конецъ» старое oxytonon (ср. ном. pl. *galai*), такъ что въ *galōp*, можетъ быть, сохранилось старое мѣсто ударенія. Сюда же, вѣроятно, относятся славянскія формы вродѣ градб-сь (у Соболевскаго Лекціи⁴ 275, изъ Чудовскаго Новаго Забѣта), неббже при небо (изъ старосербской рукописи у Agrell'я Zur slav. Lautlehre 5), р. давнб: недавно, тудá: оттúда, и можетъ быть, также у Николаевскаго мбста (см. Agrell Intonation und Auslaut im Slavischen 99): у мостá и др.

На стр. 157 слл. авторъ отмѣчаетъ такую же мѣну интонаціи

или мѣста ударенія также въ формахъ gen. pl. (наприм., серб. чак. nom. s. *kráva, brât, vlàs, kosàs, òbrùč* и др.: gen. pl. *krâv, brât, vlàs, kòsàs, obrùč* и др., словинск. nom. s. *jâma, lâs* и др.: gen. pl. *jâm, lâs* и др., ч. nom. s. *síla* и др.: gen. pl. *sil* и др., р. вблосъ: волбсѣ и др.), въ формахъ nom. pl. основъ на -(j)о средн. рода (наприм., серб. чак. nom. s. *jâje, selò, krîlò, jèlîto* и др.: nom. pl. *jâja, sèla, krîla, jelîta* и др., р. селб: сѣла, бзеро: озѣра, пбле: поля и др., словинск. *korîto: korîta* и др.), въ формахъ наст. времени (наприм. серб. чак. инфин. *gînūt, pîsât, nosît* и др.: П л. ед. ч. наст. вр. *gîneš, pîšeš, nòsîš* и др.) и въ такихъ случаяхъ, какъ серб. чак. *sûh: sùša* или *lîst: lîstje*, и заключаетъ, что и здѣсь эта мѣна обусловлена той же причиной, т. е. измѣненіемъ состава слова. Можетъ быть, авторъ и правъ; только для меня это уже не совѣмъ убѣдительно. Если прибавленіе къ основѣ другого падежнаго или личнаго окончанія уже является «измѣненіемъ состава слова», то, казалось бы, уже не остается никакого постояннаго состава слова; а какъ же можно говорить объ измѣненіи состава слова только относительно gen. pl. основъ муж. рода на -о, когда nom. s. этихъ основъ точно также оканчивался на -ъ?¹⁾ Надѣюсь, что автору въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ удастся разсѣять эти мои недоумѣнія.

Всѣ эти мѣны интонаціи авторъ на стр. 165 считаетъ спеціально праславянскими (а не балтійско-славянскими); а между тѣмъ въ балтійскихъ производныхъ именныхъ основахъ на -jâ находимъ такую же мѣну интонаціи, какъ въ указанномъ у автора чак. *sùša* при *sûh* (или р. молбжа: мблодъ и др.), см. примѣры ІF XXXIII 109.

На стр. 66—86 разсматриваются образованіе и акцентуація славянскихъ формъ наст. времени, причемъ на стр. 86 авторъ приходитъ къ любопытному выводу, что, наприм., серб. чак. инфин. *korâti*: П л. ед. ч. *korâ=žinòti: žino*, т. е. что, наприм., серб. чак. *korâ* не восходитъ къ **korâje(t)*, но представляетъ собою такую же основу на -ã, какъ и лит. *žino* «знаетъ».—По поводу все еще высказываемаго взгляда (на стр. 72), будто еще въ праславянскомъ сократилась акутированная долгота начальнаго слога трехсложныхъ формъ (вродѣ **jágoða*), напомнимъ, что этому явно противорѣчатъ старыя заимствованія изъ славянскихъ языковъ, см. ІF XXXIII 118.

¹⁾ Объ интонаціи род. п. множ. ч. см. теперь статью Ванъ-Вейка Изв. XX 3, 37 слл.

На стр. 167 слл. авторъ вкратцѣ опѣниваетъ работы своихъ предшественниковъ (Педерсена, Шахматова и Кульбакина) по изученію мѣны славянскихъ интонацій, а въ заключеніе разбираетъ сербскую акцентуацію въ склоненіи прилагательныхъ.

Книга богата свѣжимъ матеріаломъ и новыми взглядами; въ лучшей похвалѣ она и не нуждается.

И. Эндзелинь.